

В этот миг Линь Чэньюй преисполнился решимости убить.

С древних времен торговцы людьми заслуживали лишь мучительной смерти. Этот хромой не только похищал и продавал людей, но и калечил их, заставляя просить милостыню, а за малейшую провинность осыпал жестокими ударами.

Все похищенные были детьми. Они не раз помышляли о побеге, но в ответ получали лишь новые побои. У хромого было множество сообщников — отъявленных головорезов, ходивших по лезвию ножа и отличавшихся крайней жестокостью.

Высказав напоследок угрозы и с довольным видом окинув взглядом съежившихся от страха ребятишек, хромой вышел вон.

Линь Чэньюй прислушался к звуку поворачивающегося ключа. Дождавшись, пока шаги хромого стихнут, он тихо спросил:

— Вы все откуда?

В ответ раздался лишь прерывистый плач. Дети боялись плакать в голос, зная, что за это хромой снова их изобьет.

Линь Чэньюй остался полностью проигнорирован, но не спешил. Он принялся внимательно осматривать окружающую обстановку. Окна в этой комнате были наглухо заколочены, оставались лишь узкие щели. Он не торопился действовать.

Он ждал.

Хромой не мог провернуть всё в одиночку, у него были сообщники, но сейчас они еще не появились. Убить одного человека — пустяк, куда приятнее было бы покончить со всеми разом.

День клонился к вечеру. Хромой зашел в комнату, бросил им немного сухой еды и, глядя, как дети жадно набрасываются на нее, словно псы, разразился торжествующим хохотом. Он смотрел на них сверху вниз, чувствуя себя полновластным хозяином, и это ощущение доставляло ему огромное удовольствие.

Линь Чэньюй не стал бороться за еду. Хромого это не удивило: все новички вели себя так, сохраняя спесь избалованных господских сынков, но стоило им поголодать пару дней, как они быстро осознавали свое истинное положение.

Дверь снова заперли, отрезав путь даже лунному свету. В комнате воцарилась кромешная тьма, и все, кто успел урвать хоть немного еды, забились по углам. Линь Чэньюй закрыл глаза. Остальные в темноте смотрели в его сторону, не понимая, почему он не плачет и не шумит.

Около часа быка, когда все уже уснули, Линь Чэньюй открыл ясные глаза. Он применил свои способности, и всё, что происходило во дворе, оказалось под его полным контролем.

В прошлой жизни никто не знал, что он обладает множеством способностей. Тогда пространственных магов считали лишь ходячими складами, их статус был низок, а их самих вечно подозревали в присвоении ресурсов. Но Линь Чэньюй прекрасно знал: пространственная магия отнюдь не бесполезна. Если сила достаточно велика, то внутри своего пространства он сам становится творцом правил.

Свернувшийся в углу мальчик со сломанными ногами по имени Се Ван был сыном купца. С детства привыкший к роскоши, даже оказавшись в столь жалком положении, он не падал духом. В темноте он с трудом пошевелился и едва слышно прошептал:

— Их много.

Линь Чэньюй посмотрел на него. Взгляд Се Вана был чист, несмотря на все перенесенные мучения.

— Советую тебе не предпринимать опрометчивых шагов. Они жестоки и не проявят милосердия, даже если ты еще ребенок.

Линь Чэньюй ответил:

— Ты говоришь мне так много, не боишься, что я донесу им?

Бледные губы Се Вана дрогнули в усмешке:

— Ты этого не сделаешь.

Наивный мальчишка.

Линь Чэньюй моргнул своими черными блестящими глазами, приблизился к нему и спросил:

— Когда тебе сломали ноги?

Это был не праздный интерес, чтобы поиздеваться над чужой болью. Ему нужно было знать время травмы, чтобы понять, стоит ли вмешиваться. Будучи осторожным, он не хотел раскрывать свои силы раньше времени. Человек невиновен, но владение сокровищем может навлечь беду — древние были не столь невежественны, как писали в некоторых романах о попаданцах. Он никогда не недооценивал людей — это был урок, усвоенный ценой крови.

Се Ван опустил глаза:

— Десять дней назад.

Линь Чэньюй хотел добавить что-то еще, но во дворе снова слышались шаги. Он напряженно вслушался в голоса.

— Этот сегодняшний, нежный такой, красавчик. Если продать его в Циньнянлоу, можно сорвать куш, — сказал хромым.

Рядом с ним стоял здоровяк с густой бородой, на голову выше хромого, чьи мышцы выглядели устрашающе:

— По мне, лучше продать его в другие края. Я знаю в Цзиньлине одного богача, у него нет сына, он как раз хочет усыновить кого-то умного и красивого.

Во дворе собралось человек пять-шесть. Кроме хромого, все остальные были крепкими мужчинами — неудивительно, что дети не могли сбежать. Они смеялись и болтали, заходя в комнату. Они вели себя бесцеремонно, обсуждая, кого продать, а кого покалечить и выкинуть просить милостыню... В их словах люди были лишь скотом, ожидающим забоя.

Линь Чэньюй холодно усмехнулся. Се Ван остро почувствовал исходящую от него опасность. Его сердце дрогнуло, а в следующий миг голова отяжелела, веки словно налились свинцом.

Банда выпивали, когда раздался скрип открываемой двери. Бородач выглянул наружу, но никого не увидел. Решив, что это просто ветер, он выругался и встал, чтобы закрыть дверь. Он подошел, но дверь закрылась лишь наполовину и дальше не шла. В дверной щели на него в упор смотрела пара черных глаз, в которых не было ни капли жизни. Казалось, на него смотрит не живой человек.

Бородач испугался, вскрикнул и отпрянул назад, тяжело дыша. Сидевшие за столом обернулись к нему:

— Ты чего? Привидение увидел, что ли?

Бородач сглотнул. Ему и впрямь казалось, что он видит призрака. Те глаза продолжали сверлить его, не двигаясь. Собравшись с духом, он рывком распахнул дверь. На пороге стоял маленький мальчик.

Увидев, кто стоит в дверях, сообщники бородача разразились насмешливым хохотом:

— Ха-ха-ха! Да ты, видать, с ума сошел, раз испугался такой мелочи!

— Твоя храбрость тает на глазах. Давай переименуем тебя в Трусишку, ха-ха-ха!

Бородач, рассерженный насмешками, решил, что раз это не дух, то бояться ему нечего:

— Мелкий, как ты выбрался? — он протянул руку, чтобы схватить ребенка за воротник. — Хочешь сбежать? Похоже, без хорошей взбучки не обойтись.

Хромой поспешно предостерег:

— Только лицо не попорти! Мы рассчитываем выручить за него хорошие деньги.

Бородач, разминая кулаки, прорычал:

— Меньше слов! Сейчас я его проучу...

Он не успел договорить, как Линь Чэньюй ударом ноги отправил его в полет. Раздался грохот, и под ошеломленными взглядами остальных бородач растянулся на земле.

Поняв, что дело серьезно, остальные мужчины подобрались.

— Этот малец непрост. Навалимся все вместе, свяжем его, а там разберемся, — скомандовал хромой.

Каким бы сильным ни был ребенок, против нескольких взрослых мужчин ему не устоять. Но вышло иначе. Не успели прозвучать хвастливые угрозы, как все они один за другим повалились на землю в самых нелепых позах, не в силах даже подняться.

Линь Чэньюй улыбнулся, словно ангел, но в глазах хромого и его подельников он выглядел как демон. Откуда у обычного ребенка такая чудовищная сила?

Линь Чэньюй медленно подошел к ним. В его руке неизвестно откуда появился кинжал, украшенный сверкающими драгоценными камнями.

Когда Сюань Чжэн привел своих людей, Линь Чэньюй стоял посреди кровавого месива, и на его белоснежном личике виднелись брызги чьей-то крови. Глава императорской гвардии Чжао Пинде, прикрывавший Сюань Чжэна, невольно содрогнулся при виде этой сцены.

Линь Чэньюй посмотрел на Сюань Чжэна, не проронив ни слова объяснений.